

Яков и немцы

Яков — один из тех людей, которых я никогда не забуду. Не только потому, что у него была такая непростая судьба. Не только потому, что он писал мне письма, слал приветы, поздравлял и с женским днем, и с Новым годом. Он был типом человека, которого можно было бы себе пожелать, человеком с открытым сердцем и теплой харизмой.

Сегодня я встречаюсь с ним, потому что сегодня 11 апреля, "День Бухенвальда". В России в этот день поминают и все другие лагеря, освобожденные в первые месяцы 1945 года — будь то англо-американские войска или Красная Армия.

Как и каждый год, на «Поклонной горе» в Москве сегодня будет огромное скопление людей: старики, пережившие ужас, а также их дети и внуки съехались со всей округи, чтобы почтить память дорогих усопших.

Теперь мы близки к нашей цели. Гора пройдена. Наша делегация на этот раз опаздывает. Как теперь найти русских друзей? Вон кто-то машет рукой. Ах да, это Яков, которому я много лет назад принесла в его дом три розы, но в то время он не хотел иметь ничего общего с немкой. Он подошёл ко мне, его лицо сияло от радости.

"Ханнелоре, сколько лет, сколько зим?!"

— О, Яков, мы не виделись целых два года, — радостно кричу я. Он обнимает меня и протягивает мне три гвоздики. "Сейчас, сейчас!" Вот-вот начнется. Хорошо, что я здесь, он хочет подняться со мной на подиум.

«На какой подиум?» Я тоже должна выступить перед узниками.

«Здесь, перед всеми?» У меня перехватывает дыхание.

"Абсолютно. Это что-то особенное, когда к нам в такой день приезжает немка – для меня это самый важный день в году». Я хочу сказать ему, что я здесь не одна, что приехала целая делегация. Но тут начинается церемония. Из громкоговорителя звучат первые звуки песни о Бухенвальде...

Люди мира, на минутку встаньте
слушайте, слушайте гудит со всех сторон,
это раздаётся в Бухенвальде
колокольный звон – колокольный звон ...

И в этот момент звонит колокол, он сопровождает песню, одну из тех многих, что трогают сердце каждого, кто сегодня пришел сюда.

Мой взгляд падает на исхудавшие, крупные каменные фигуры монумента, которые - кажется - частично согнуты, вот-вот упадут или даже прильнут

друг к другу. Было много, слишком много тех, кто рухнул под тяжестью груза в каменоломнях и больше не смог подняться... Я беру Якова за руку, потому что теперь звучит клятва бывших узников Бухенвальда. Она уверенно летит над нами и будто переплетается с другой песней, в которой говорится: «Держись, товарищ, не падай духом, волю к жизни несем в крови...»

Перед нами на подиуме рядом с памятником представители общественности, в том числе священник и двое бывших узников. Произносятся речи. Все трогает меня, потому что это пережитое прошлое. «Давай, Ханнелоре, — говорит Яков, — теперь наша очередь сказать», — и ободряюще подмигивает мне. Ему трудно подняться на подиум: там лестница. Видно, с каким усилием достаётся ему каждый шаг! Он идет медленно, опираясь на трость, и берет меня за руку, которую я ему протягиваю.

Лишь немногие остались в живых из тех, кто должен был подневольно трудиться в Бухенвальде во имя триумфа гитлеровского оружия V2 в темных шахтах концлагеря Дора. Яков — один из последних.

Пора. Ветерану Бухенвальда передают микрофон. Он выпрямляется, подзывает меня к себе.

«Друзья, — говорит он, — мы также хотим сегодня почтить память тех, кто не пережил марши смерти в апреле 1945 года. Самое ужасное в том, что эти марши начались почти в самом конце войны. Как видите, я пережил марш смерти. Но я выжил дважды. Женщина рядом со мной сумела сделать меня другом немцев. Её "Общество ветеранов" два года назад пригласило меня в Дрезден, отвезло в Веймар, возле которого находился этот проклятый лагерь, где по приказу комиссара было расстреляно и позже, с 1943 года, повешено свыше 8000 наших пленных солдат. В Германии я встретил замечательных людей, о существовании которых раньше и не подозревал. Друзья в Дрездене, Цайтхайне, Пирне и Хайденау оказали мне честь. Даже мэры обращались ко мне, говорили со мной. У меня была возможность показывать свои фотографии на выставках, и у меня были встречи, которые тронули мое сердце. Там я увидел другую Германию!

Но один из самых важных моментов моей поездки: я снова попал в то место, которое никогда меня не отпустит, в Бухенвальд. Я стоял в том месте, где раньше была моя казарма. Но на этот раз вместе с немецкими друзьями, при которых мне не надо было стыдиться слез».

Мертвая тишина. Потом он отходит в сторону и говорит в своей необычной манере: „Теперь ты, Ханнелоре!“

Я смотрю на толпу, вижу доверчивые, напряженные лица, обращенные ко мне, и слова сами собой срываются с моих губ. Слова смирения, но и

убеждённости. «Друзья мои, вы, а также ваши семьи, пережили неизмеримые страдания. Это есть и никогда не забудется. Как и то, что ваш народ принес нам освобождение от фашизма! Вы заплатили высокую цену!» Глубоко во мне сидит презрение к ненависти и насильственным преступлениям, которые исходили от гитлеровской Германии. Невосполнимые страдания, причиненные многим народам, и неисчислимы потери всегда должны служить нам, немцам, напоминанием. В то время я была еще ребенком и не виновата в том, что произошло. Но я хочу взять на себя ответственность за то, что будет.

А потом я раздаю наши белые розы из Зебница пострадавшим от войны, которые принимают их с благодарностью, как символ примирения. До меня доносятся звуки музыки. Небольшой оркестр приглашает к возложению цветов. Яков пожимает мне руку. «Ты молодец, немка моя», — говорит он, и я вновь вижу в его глазах вспышку радости, которая так меня поддерживает.